

Стихи разных лет

Денис Чачхалиа

ОГЛАВЛЕНИЕ

1972-1976

«Уже во мгле забрезжила заря...»	4
«О, как истосковались руки...»	5
«Дремучий лес без края...»	6
Неистребимость	6
Южная ночь	8
На перевале.....	9
Памяти отца.....	11
«За годом год...»	13
Эпитафия.....	14
Литературному пролазе	15
«Зачем я появился тут...».....	16
«Двадцать весен отшумело кряду...»	17
«Не плачь, любимая, не плачь...».....	18
«Я тебя не берег...»	19
«Куда б ни ушла ты...»	21
«Давай с тобою помолчим...»	22
«Уже рассветает, и темень за окнами ...»	23
«Разлука пришла, неуместна, как нищему горе...»	24
«Ты не спеши ко мне...».....	25
«Я тобою богат...».....	26
«Это будет еще...»	27
«Я не в силах в любви отказать...»	28
«Достоин камень укоризны...».....	29
«Если вымрут цветы – расцветут...».....	30
Бессонница	31
Дедова утрата.....	32
Зубры	35
Рица.....	37
«Крыша есть над головой...»	39

1977-1981

Высокий снег.....	40
Цабал	42
«Я не смотрю на горы...»	45
«Над Псырцхой поднимается луна...»	47
«Тополь в сумеречный вечер...»	48
Кипарисы	49
Пробуждение	50
«Орлы, парите высоко...»	51
«Твоих волос неотвратим полон...»	53

«О как сложна...».....	54
«Дымный агат под разлетом бровей...».....	56
«Мирно паслись табуны твоих воли...».....	57
«Зной женщины и августа жара...».....	59
«Камень что должен упасть...».....	61
Монолог алычового сада.....	62
«Я подхожу к оконному стеклу...».....	66
Джигеты.....	67
«Ты сегодня мне нравишься, сердце...».....	69
Гимн женщине.....	70
«Два неба опрокинуты друг в друга...».....	71
Предтеча.....	73
«Твоим равнодушьем холодным...».....	74
Одиночество.....	76
«Я вспоминаю всякий раз...».....	78
ИЗ СТИХОВ АЛЕКСАНДРА ЧАЧБА.....	80
<i>Ночь осени</i>	80
<i>Ностальгия</i>	80
<i>Прощальное письмо отечеству</i>	81
СОСНЫ ПИЦУНДЫ.....	83
<i>Древний напев</i>	83
<i>Неустрабимость</i>	84
<i>Шторм</i>	84

1982-1985

Абхазская пастораль.....	86
Ночная сказка.....	90
«Где воинственный грохот...».....	91
«Пицунда, Ходжал или Рица...».....	92
«Взвилась в зенит, к высотам».....	93
«Пусть дует ветер за окном...».....	95
«До лета отложив дела...».....	96
«Орлы, парите высоко...».....	98
Вавилонская башня.....	100
«Я вышел к морю...».....	102
«Погожим дням листва не рада...».....	104
«Есть мир стихий...».....	106
Рассвет в Пицунде.....	107
Ретро.....	108
«Я знаю, день настанет...».....	110
«Мне тридцать три...».....	111
Поздний перелет.....	112
Звезда абазина.....	114
Ястреб на продажу.....	116
Песня о Сатаней Гуаше.....	118
«Вот какая у твоей матери...».....	120
На Аквинском бульваре.....	122
Работа.....	124
«Я не смотрю на горы...».....	126
«Теперь иная дрожь...».....	128
Махаджирская колыбельная.....	129
«Хотеть мы того не хотели...».....	131
Романс.....	133
«Весны безоблачный рассвет...».....	134
Экран памяти.....	136
«Душой мы стали так убоги...».....	138

Амазонки	139
«Когда звезда в ночи отточится...»	141
«Апсны – любви моей названье...»	142
«Как меняет донельзя...»	143

1986-1988

«Были чувства жарки...»	144
«Слилась ты на миг с тишиною...»	145
«Мы стояли на перроне...»	146
«Не умею - не любя...»	147
«Когда из Дала наших выбивали...»	148
Абхазское вече	149
«Который век? Какая эра?...»	149
«И непомерное для уст...»	150
Уже краснеет виноград	151
Аоу	153
Ткварчал	154
«Хоть и солнечный выдался день...»	155
Танец Сарии	156
Смерть Сарии	157

* * *

Уже во мгле забрезжила заря.
Все это так знакомо и похоже.
Приди, мой день,
Таким же, как вчера,
Но чуточку светлей,
Но чуть погожей.

Мори жарой,
И голодом пытай,
Глотка воды мне не давай в пустыне.
Но я прошу, как не просил доныне, -
Бездействием меня не убивай.

Приди, мой день,
Какой ты там ни есть.
Приди ко мне суровый и без лести.
Естественный,
Как радостная весть,
Естественный
Как скорбное известье.

Приди ко мне
Тревожным, как всегда,
Приди ко мне
В заботах бесконечным.
Но только безразличным - никогда,
И никогда - бесстрастным и беспечным.

* * *

О, как истосковались руки
По этой, в клетку, белизне.
Вновь
После длительной разлуки
Тетрадь и я - наедине.

Клубятся мысли перед взглядом,
И все прошедшее теперь
Становится со мною рядом,
Как в ночь распахнутая дверь.

Передо мной она раскрыта,
И ни строки пока что в ней,
Но пробуждаются сердито
События минувших дней...

Тетрадь, ничто не позабыто:
Былое стихло до поры.
Ты повтори мои обиды
И смех мой тоже повтори.

Пройдет любовь,
Наступит старость, -
Наступят считанные дни...
Ты сохрани мою усталость,
И страсть,
И ярость - сохрани.

* * *

Дремучий лес
Без края и конца.
Покойный лес,
Безмолвный, бездорожный.
Стволы,
Стволы - тяжелее свинца -
На кряжистые чудища похожи.

Здесь все знакомо,
Все привычно здесь.
И жизни нашей мертвое подобье
Покоится в сырой тени,
И лес
Над ним стоит
Как тяжкое надгробье.

И он стоит в безмолвии своем,
Обвешанный причудливыми мхами, -
Таежный лес
Моих воспоминаний,
Тревожный лес
Раздумий о былом.

НЕИСТРЕБИМОСТЬ

Сосны.

Пицундские сосны

На полукруглом мысу

Словно забыли,

Что осень

Красит деревья в лесу.

Рощи,

Сосновые рощи,

Вы перед нами правы:

Вам умереть было проще, -

Только не вымерли вы.

С ветром и бурями споря,

Вам не давала упасть

В землю влюбленного корня

Вечнозеленая страсть.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Солнце в море утопилось,
Месяц бросился в провал.
Пусто небо. Что случилось,
Кто его обворовал?

Света нету на планете.
Поугасли светляки.
Все предстало в черном цвете:
Синий воздух,
Светлый ветер,
Белый камень у реки.

Под далекие раскаты
Шепот слышится в лесу.
Это, видно, звездокрады,
Это, верно, звездокрады
Делят лучшую звезду.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Здесь особые камни,
Особый поток.
Все здесь тайной недужной объято.
Я цветка не сорву:
Может этот цветок
Вырастает из сердца солдата.

Я не трону листвы
И травы не примну.
Я на камень замшелый
Не сяду -
Здесь везде и повсюду
Солдаты живут,
Недоступные нашему взгляду.

Здесь и шорох простой
Уподоблен шагам.
Нарастает, гремит канонада,
И скала,
Что тропу
Перекрыла к снегам -
Затвердевшее тело солдата.

Словно пламя сраженья
Пылает закат,
Колыханье его беспокойно.
И полуночным часом
Густой звездопад -
Как награды посмертные
Войнам.

Мой ровесник, которого
Мне не позвать,
Здесь лежит
Со своим автоматом.
Он, которому имя
Придумала мать,
Стал в войну
Безымянным солдатом.

ПАМЯТИ ОТЦА

1.

Когда вперед дороги нет, -
И путь попятный
Не спасет.
С трудом родившийся на свет
С трудом таким же умирает.

Он очень долго умирал.
Стихами бредил днем и ночью,
Но то, что он в бреду писал,
Никто прочесть не мог воочью.

И он хватался за перо
Как за далекое мгновение,
Чтоб повторилась жизнь его
В одной минуте вдохновенья.

Звезда косматая с небес
Пугливо землю озидала.
Что не случается чудес
Она уже подозревала.

...Он мысль свою земле не дал
С холодных губ слетела песня...
Он очень высоко летал
И долго падал с поднебесья.

2.

Закатом высвеченный ало
Пылал отлогий склон Ерцаху,
И это было так немало
Для окрыленного размаха.

Внизу ступеньки краски,
Комками шлака тлели тучи.
И он стоял, исполнен ласки,
Влюбленный, хоть и невезучий.

И чудодейственным дыханьем
Природа звезды оживила,
И в озере, как бы в стакане,
Ночное небо отразила.

...Пускай стихов не написал,
Всем существом и каждой
Жилой
Он удивленно постигал
То, что уму непостижимо.

3.

Я хотел бы понять хоть малость,
Что же это такое - старость!?

Может это загробная весть,
Что свободное место есть;
Может это бессмертья порог -
Продолженье земных дорог...

Может это предсмертная мудрость
Или просто уставшая юность,
Может это морщины отца,
Что никак не сходили с лица?..

Я хотел бы понять малость,
Что же это такое - старость!?

* * *

За годом год, как час за часом...

Мелькают даты в стороне.

И наши дни в упряжке мчатся,

В упряжке взмыленных коней.

Нам опостылели тревоги,

Осточертела суета.

Мы мчимся прочь, уносим ноги,

И это важно ли - куда.

Бежим, не ведая постоя,

На дальний, судорожный свет...

Здесь всюду жизнь, но нет покоя.

Там - есть покой, но жизни нет.

ЭПИТАФИЯ

Я жалуясь: не сходятся концы.
Итожу, проверяю - нет баланса.
Надежды глупые и мнимые авансы,
И явные долги - не леденцы.

Поэтому возьму-ка я резец
И на могиле будущей в тени
На камне гневно высеку: "Конец,
Когда концы с концами сведены!".

ЛИТЕРАТУРНОМУ ПРОЛАЗЕ

Ты сказал, что к Парнасу немало дорог,
И какой ты пойдешь - вроде это неважно.
Если ты пошутил - да простит тебя Бог,
Ну, а если всерьез...
Да простит тебя дважды.

* * *

Зачем я появился тут,
Где обо мне давно не помнят?
О, этот сумрачный приют,
Где никогда я не был понят!

Зачем пришел сюда опять,
Где обо мне не вспоминают,
Где безразличия печать
Клеймом на сердце выжигают?

Зачем я появился здесь,
Куда меня не приглашали,
Где каждый взгляд
Похож на месть,
Где каждый взгляд
Кинжалом жалит?

Зачем?
Нелепо сожалеть,
Переступив порог запрета.
Не найден на вопрос ответ,
Вопрос остался без ответа.

* * *

Двадцать весен отшумело кряду,
Двадцать зим отвьюжило подряд,
Двадцать раз обильным листопадом
Скинули деревья свой наряд.

Ты пришла, и жизнь пошла сначала:
В первый раз покрылся мир листвой,
В первый раз по небу солнце мчало,
Отгорало зарево впервой.

* * *

Не плачь, любимая, не плачь,
Не доверяйся скуке.
Победы нет без неудач,
Как встречи без разлуки.

Не плачь, любимая, и пусть
Забудутся тревоги.
Ведь я уже пустился в путь,
Ведь я уже в дороге.

О том, что нет меня, забудь,
Лишь помни, что повсюду,
Куда бы ни повел мой путь, -
Тебя я помнить буду.

Ты стала сутью бед моих,
Первопричиной жизни.
Ворвись же в мой унылый стих
И светом счастья брызни.

Мой путь и мрачен и далек.
Любимая, ну где ж ты -
Мой судорожный огонек,
Далекий свет надежды?

* * *

Я тебя не берег.
Я тебя приобрел слишком запросто.
Слишком запросто я
До порога тебя проводил.
Я сказал: "Уходи!".
Ты пожала плечами - "пожалуйста " -
И сошла по ступенькам,
Совсем не касаясь перил.

Я бежал за тобой.
Твой уход мне пришелся не
по сердцу.
Он немую обиду
С любовью больной сочетал...
Начинал понимать,
Что с меня это где-нибудь спросится,
Что нелепая эта разлука
Другим не чета.

Ты успела уйти,
Улететь, раствориться, расплавиться.
И уже я не знаю,
Как можно тебя отыскать:
Может ты это... - солнце,
Которое катиться.
Может ты - это звезды,
Которых с земли не достать.

Что-то вдруг опалило
Мечту мою грустную заживо,
И помчалась земля
Красногривым багряным конем.
Может это - всего лишь
Простое вечернее марево.
Или это корабль мой.
Охваченный душным огнем?

Что-то рухнуло вдруг,
Что-то срублено с корня без
жалости.
Грохоча повалилось,
Что еле держалось давно.
Может это мосты,
По которым ко мне возвращалась
Ты,
Или просто гроза,
Распахнувшая настезь окно.

* * *

Куда б ни ушла ты -
Я всюду, родная,
С тобой.
Туманом белесым,
Облаком над головой,
Дождем запоздалым,
Нелепым снегом весны,
Грозью небесной,
Твои будоражащей сны.

Никчемным письмом,
Ночным полушепотом стен
И горьким причастьем,
Не разделенным ни с кем...
Я всюду, родная,
Я всюду, родная,
С тобой
Туманом белесым,
Облаком над головой,

В любимом мотиве,
В заученных с детства стихах,
Во взглядах прохожих,
В их самых печальных глазах,
В улыбке,
Которой
Тебе улыбнется дитя...
Я всюду с тобой,
И мне не хватает тебя.

* * *

Давай с тобою помолчим.
Наш разговор преступно плосок,
Ведь все, что мы ни говорим, -
Души далекий отголосок.

Слова толпятся предо мной,
Меня их сытость раздражает:
Они живут иной судьбой
И нашу боль не утешают.

* * *

Уже рассветает,
И темень за окнами жиже,
И ветер сметает
С проулка
Заслеженный снег.
И солнечный блик
Свернулся,
Пушистый и рыжий,
На самых ресницах
Твоих неразомкнутых век.

Все это - вчера
Сегодня - пустынное ложе,
Еще сохранившее
Запах твоей наготы.
Тебя уже нет,
Но знаю -
Вернешься ты позже
Стихами,
Песней,
Журчаньем талой воды.

* * *

Разлука пришла
Неуместна, как нищему горе.
Ты сделала так,
Что к тебе я не смог возвратиться.
Я словно ракушка,
А ты - как далекое море;
Я брошен тобой,
Но шум твой во мне сохранится.

* * *

Ты не спеши ко мне
Ни в семь, ни в восемь.

Ты не спеши ко мне
Покуда осень.

Ты не зови туда,
Где все прошли мы.

Ты не спеши ко мне
Покуда зимы,

Покуда поутру в росе
Не вспыхнут розы,

Покуда грусть в твоих глазах
Еще не слезы.

* * *

Я тобою богат,
И богатство мое непреложно.
Ты - святыня моя,
Без тебя я немой
И незрячий.
В этой жизни прекрасной
Любое мечтанье возможно,
Но она без тебя
Ничего, откровенно, не значит.

* * *

Это будет еще -
Расцветут тополя и каштаны,
Содрогнется земля от порывистых
Ливней весны.
И уйдут из долин
В поднебесье
Глухие туманы,
Как однажды ушли
Неуклюжие детские сны.

* * *

Я не в силах в любви отказать
Ни апрелю, ни маю,
Сентябрю или августу,
Или февральской зиме.
Я им все отдаю и совсем не нищаю.
И не то, чтоб нищать -
Становлюсь я богаче вдвойне.

Дорожу декабрем,
Дорожу не в обиду апрелю.
Март от стужи храню,
А январь берегу от тепла...
Одарит меня май
Соловьиной немислимой трелью.
А декабрь - вдохновенным
Рисунком
На кромке стекла.

* * *

Достоин камень укорины:
Все в нем бездушно и черство.
Поговорите с ним о жизни.
И в нем проснется естество.

* * *

Если вымрут цветы - расцветут
камни.

В мире что-то должно цвести.

БЕССОННИЦА

Уже клонило солнце на закат,
Уже в гнездовье возвращалась птица.
Как вдруг - летит, не ведая преград,
Неведомая миру колесница.

Она светилась тысячью лучей,
В ней каждая отсвечивала спица.
Она неслась, и сонмище теней
Летело вслед, чтобы в нее вцепиться.
Но колесница мчалась напролом,
Весь мир трясла гнедая кобылица -
Она дышала дымом и огнем,
И, видно, грех ей было оступиться.

Мелькали лица чьи-то в стороне,
Бежала вслед людская вереница.
А колесница мчалась в вышине
И не могла никак остановиться.

Она была вокруг озарена,
Охвачена метущейся зарницей.
И с каждым мигом гуще пелена,
Час от часу отчетливей граница

Меж мной и отгорающим огнем,
Меж мной и этой чудной небылицей...

Не знаю, что со мной: не спится днем,
И по ночам, тем более, не спится.

ДЕДОВА УТРАТА

Я без коня
Не представляю деда,
А дед продал коня.
К добру ли это?
Не он продал,
Не он -
Все это тетка!
Остались на стене
Седло да плетка.

Последние надежды старика
Ушли с конем,
И дедова рука
Все дольше роет
Посохом в золе.
Искру добра
Отыскивая в зле.

Он недостоин был
Такой обиды.
Спокойный с виду,
В сущности - убитый,
Сидит,
Очажным дымом прокопчен,
И думает
Неведомо о чем.

Сто лет без десяти
Прожил старик
И лишь сейчас вот
Головой поник.

Отдав коня,
Он горько знал,
Что это -
Такая нехорошая примета.
И не противился
Лишь только потому,
Что было бы
Куда больней ему
Смотреть лишь на коня
И не уметь
На нем уже,
Как некогда,
Сидеть.

Я тоже сожалею
И тужу,
Но я не так,
Наверное, сужу
И о коне, и деде,
И о прочем,
Чем в жизни я
Разумно дорожу.

Ведь я не знал,
Что конь был непростой,
Что был он тайно
Дедовой душой,

Его мечтой
И молодостью...
Может,
И памятью
О вольности былой.

Я не могу забыть
Глаза коня,
Как два
добром
Пылающих огня,
И эту гриву,
Пахнущую ветром,
Легендами
Обдавшую меня.

Подавлен я.
А деду каково!
Но я о том не думал
До того,
Пока не понял
Что за конь уведён
С большой усадьбы
Деда моего.

ЗУБРЫ

День весенний и хмурый,
В полудневном часу
Мне привиделись зубры
В Авадхарском лесу.

Каменистой тропею
По карнизу скалы
Шли они к водопою
Как простые волы.

Но себя я на слове
Тут же должен поймать:
В зубрах пуще воловьею
Я угадывал стать.

В зубрах норов отважней
И размашистей грудь.
Только это неважно,
Только в этом ли суть!..

Край небесный зазубрен
Книзу зубьями гор.
Шли бесшумные зубры
Как давнишний укор

Тем, кто ради забавы,
Иль со злобы какой...
В общем, стали не правы
Перед чьей-то судьбой.

Зубры шли к водопою -
Только где та река,
Что была им родною,
Хоть была и мелка!

Галька стынет в лощине
Вдоль утесов крутых, -
Нет реки той в помине,
Как и зубров самих.

Лес сосновый заполнит
Завезенная тварь,
Да никто не воротит
Тех, что жили здесь встарь...

Мне привиделись зубры,
Мне - приснились они,
Просто отсвет каурый
Был в бору у весны.

Просто мне захотелось
Рощам зубров вернуть,
Словно в них лишь имелась
Этой местности суть.

РИЦА

Из Галактиона

Я возвратился
В Абхазию вскоре.
Снова на Рице
Пробыл все лето
Небо как небо,
Не то, что горы.
Горы как горы.
Не то, что небо.

Здесь я как ястреб
В любимом просторе.
Пусть это даже
Вовсе нелепо,
Но здесь ведь горы
Не просто - горы,
И небо над Рицей -
Не просто небо.

Где моя лира,
Где мое слово?
Запечатлеть
Это озеро мне бы, -
Царской короной
Сомкнулись безмолвно
Горы, над Рицей
Взнесшие небо.

Снова в сомненья
Я погружен
И не пойму,
Это явь или небыль -
Небо ли это,
В воде отраженное,
Или вода,
Отраженная в небе!

* * *

Крыша есть над головой -

Слава богу.

Остальное все придет

Понемногу.

Есть и стол, и ручка есть -

Благодать! -

В мир открытое окно

И тетрадь.

Что тебе еще -

Сиди и пиши

Для эпохи,

Для друзей,

Для души!

ВЫСОКИЙ СНЕГ

Лейле Николаевне Ачба

Томит его жаркое солнце,
И он истекает, святой,
Потоком, что в пропасть несется,
Ключами, что бьют под скалой.

Лежит он на гребнях плечистых
И свет источает в ночи,
И тихо поют о пречистом
Влюбленные дети – ручьи.

Мы снег тот глазами ласкаем
За неодолимость пути,
За то, что он неприкасаем,
За вечность его чистоты.

Он белый, он маркий, он нежный.
Его так легко заследить.
А он
должен светлым, как прежде,
И недостижимым быть.

Он белый, но не беспечальный,
Он многое знает про боль.
Свой цвет сохранить изначальный –
Тем более белый – легко ль!

Лежит он,
Никем не заслужен,
И шлет одинокий привет
Глазам, что привыкли в надежде
Его незапятнанным зреть.

На стыке Европы и Азии
Как синий небесный порог
Хребтами бугрится Абхазия,
И снег ее чист и высок.

ЦАБАЛ

1.

Скрываются плечи могучие гор
Под бурками буковой чащи.
Смотрю с высоты ястребиной
В Кодор,
Сквозь скалы
Яростно мчащий.

Такой здесь крутой
И глубокий провал,
Так берег
Обломлен отвесно!
Я к башне твоей
Прислоняюсь, Цабал,
И мне
Не страшна
Эта бездна.

Здесь сыплется камень,
Сверкает гроза,
И сносит деревья ночами.
Но я не зажмурю
От страха глаза,
Я сам тут
Сверкаю очами.

Я знаю: немало
Успелось врагам –
В твои проломившись пределы,
Твердыню спалили,
Разрушили храм,
Но дух твой сломить
Не сумели.

И пусть
я ни слова
Не выдам из уст
О нашем
Едином начале,
Я знаю, Цабал,
Твою радость и грусть,
Я сам этим горд
И печален.

II.

О, предки, вы знали десятки дорог
И с них никогда не сходили.
Ваш путь был опасен всегда и высок,
Средь гордых вы гордыми слыли.

Вы знали дороги
Вражды и любви,
Дороги мужского сраженья,
Одной лишь дороги
Не ведали вы –
Разумной тропинки
К спасенью.

III.

Над шлемами гор
И над копьями скал
Луна
Проплывает
С опаской.
И слушает чутко
Уставший Цабал

Мелодию
Песни абхазской.

И песня восходит
Навстречу луне,
Крылом
Задевая созвездья,
Но выдержать
Этот мотив
Не по мне –
Сладка
И убийственна песня.

И я уйду
До рассветных лучей
И, как не однажды бывало,
Все чувствую я
За спиною своею
Надежные стены Цабала.

* * *

Я не смотрю на горы
И на сосны,
На ледников
Могучие откосы.

Я к небу
Головы
Не поднимаю
И звезд ночных
Над Рицей
Не считаю.

Мне есть
На что смотреть,
Чему дивиться:
Смотрю я в гладь,
Смотрю я
В воду Рицы.
И видится мне
Так великолепно
И звездное,
И солнечное небо.

И облака,
И тучи,
Даже лица
Моих друзей
Мне отражает
Рица.

В ней отразились
Буйных роц просторы...
Во весь их рост
Я вижу в Рице –
Горы.

В огромном мире
Есть покуда Рица –
Друзья мои,
Мне есть
На что молиться,
Где клятву дать,
Откуда в бой рвануться,
Живым ли,
Мертвым –
Есть куда вернуться.

* * *

Над Псырцхой
Поднимается луна,
И свет ее,
Как благодать, обильный,
Дрожит в пруду
И на морских волнах
Волнуется
И щедрый и бессильный.

И что луна светла
Иль высока.
Нам незачем,
Наверно, удивляться:
Ведь, если не светить,
Зачем тогда
Так высоко
Над всеми
Подниматься.

* * *

Тополь
В сумеречный вечер
Сквозь аквариумный свет,
Полумесяцем увенчан,
Был похож на минарет.

На холме
Весеннем, душном,
Где едва выросла трава,
Он стоял
И будто слушал
Чьи-то вещие слова.

КИПАРИСЫ

Кипарисы стоят на холме,
В их осанке,
Приятной для глаза,
Есть родное и близкое мне,
Без чего я не мыслю абхаза.

Их врасплох никогда не застать,
Снегом битые,
Зноем паленные,
Молчаливы и строги стоят,
И весной и зимой зеленые.

Кипарисы стоят на холме,
Над крестами,
Могильными плитами,
И они представляются мне
Горем тронутыми джигитами.

Кипарисы стоят и скорбят,
В суету, беспорядок не ввержены,
В свой привычный одеты наряд,
Как абхазы,
Красивы и сдержаны.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Едва рассвет лучится
И, словно орлий крик,
Земли моей
Ручьистой
Клокочущий язык

Журчит
В устах сыновних
И обещает жить
Тем родником,
Который
Вовеки не испить.

Он земляков приветил
На языке родном, -
Тех, что живут на свете
На этом
И на том.

ОРЛЫ, ПАРИТЕ ВЫСОКО!

Орлы, парите высоко!
Летите, соколы, высоко!
Мое просторное окно
Без вас –
Пустующее око.

А жители сырых чащоб,
Не осененные крылами,
Вас хищными назвали,
Чтоб
Расправу учинить над вами.

Чтоб покорить вас,
А затем
В благотворительной истоме
Кормить вас с рук,
Как голубей
Пенсионеры в парках кормят.
Орлы, парите над землей,
Она давно вам не обитель,
Земля для вас таит погибель,
Не расставайтесь с высотой.

И вы пока
За часом час
Плывете над землей кругами,
Не дремлет враг,
Следя за вами
Двустволкой неусыпных глаз.

И пусть твердят наперебой,
Что это мнительности сказка,
Орлы, вас мало и опасно
Вам расставаться с высотой.

* * *

Твоих волос неотвратим полон,
И глаз твоих открытых неизбежность
Мне обещали нежности безбрежность,
В которую я буду погружен.

И голос твой, и жесты, и слова,
И вопли законного вокзала –
Все округлялось или угасало,
Теряя все законные права.

И не было понятно для меня
Твоей незащищенности значенье,
А было то – беспомощность огня,
Не смевшего унять свое горенье.

И я огню не закричал: «Уймись!»
Я пламенем своим ему ответил:
«Мне нравится гореть, вздымая в высь
Души моей летучий пепел».

* * *

О как сложна
И проста эта грусть!
В сердце ты ранен.
Знаешь на память ее,
Наизусть
С юность ранней.

Жизни земной
Ты прошел полпути:
Стужу и лето.
И хорошо,
Что была впереди
Женщина эта.

Нравится мне
Задержать ее взгляд,
Локтя коснуться,
Руку в дверях
Картинно подать
И перегнуться.

Стать на пути,
Не впуская в подъезд,
И, словно мальчик,
Дерзко, смущенной,
Кинуть вслед
Словом горячим.

Имя ее
На стене написать
Дома любого.
Чувства заветные
Слову отдать,
Древнему слову...

Лик, что украсил бы
Храма пролет,
Роскошь порфиры,
Как оказался он водворен
В тесноту квартиры?!

Профиль, с которым
Сравнил бы Рим
Строгость сонета...
Мамой доводится
Детям моим
Женщина эта.

* * *

Дымный агат под разлетом бровей –
Как они гордо тоскуют!
Мамы тревожатся за сыновей,
Женщину видя такую.

Локон упругий, довольный собой,
С шеей заигрывать смеет.
Женщина! Перед твоей красотой
И полководец сробеет.

Все на ее замирает пути,
Сбито с ритма и с толка.
Все, что спешило – не в силах идти,
Главное – выстоять только.

Дымный агат под разлетом бровей.
Как они алчно тоскуют!
Мамы, молитесь за сыновей,
Женщину встретив такую.

* * *

Мирно паслись табуны твоих волн.
Что же их так напугало, что вскоре –
Словно походный слышали горн –
Вдруг понеслись твои конницы, море?!

Ветер арканами воздух сечет,
Ветер свистит, но вихрастые гривы
В пенном неистовстве рвутся вперед,
В бешеном и одержимом прорыве.

Круто согнув свои шеи в дугу,
Дыбятся, ржут,
Безысходность заметив.
И, оступившись на берегу,
Падают в ложе песчаное смерти.

Следом за ними другие ряды –
Топот и гиканье, вопли и скрежет –
Падают, смертью своею горды,
С яростью той же, с отчаяньем тем же.

Снова и снова бушует прибой,
Грозные силы в бой посылая.
Берег таранят они головой,
Шеи ломая и издыхая.

Вот, в безрассудном азарте войны
Вновь выбегают из дымной пучины,
В жадном шипенье и храпе они
Встретят на ложе песчаном кончину...

Мирно пасутся твои табуны,
Будто им не было вовсе урона,
Вовсе, как будто вчера не они
Мчались на смерть за сигналами горна.

Мирно пасутся твои табуны,
Мирно пасутся.
Лишь мне беспокойно.
Я уже знаю, какую они
Ярость скрывают в просторе привольном.

* * *

Зной женщины
И августа жара
Нахлынули в тенистую дубраву.
Я был создатель этого костра,
И сам распоряжался им по праву.

Но своевольным оказался он
И вспыхнул неожиданно огромным
Вокруг меня,
Да и во мне самом
Он безуправно учинял погромы.

Я подминал огонь того костра,
Что стал грозить пожаром необъятным;
А он просил пощады у меня
На языке горячем и невнятном.

И вдруг в моем противоборстве с ним
Меня себе так быстро уподобил,
Что мне казалось – я его гасил,
А оказалось – разжигал все более.

Лес отстранял от нас свою листву,
Страшась неосмотрительности нашей,
И вместе с тем
Своей прохлады чашей
На нас свою он пролил доброту.

Он нам сказал: «Довольно вам сгорать,
Моим стволам пожаром угрожая».
Но не умели мы огня унять.
Кому под силу власть его большая!

И лес над нами тучи загустил,
Завыли ветра грозные сирены,
И ливень летний в рощу опустил
Своей блокады водяные стены.

Огонь стихал,
Проигрывая бой,
Он уходил в себя,
Как пчелы в соты.
С отвагою пожарного депо
Дождь бил в него
Во все свои брандспойты.

Как изгнанные Ева и Адам
Тот лес мы торопливо покидали,
И город перед нами открывал
Свои грехопрощающие дали.

* * *

Камень, что должен упасть
на мою голову,
уже летит.

МОНОЛОГ АЛЫЧОВОГО САДА

Я – тоже сад,
Я тоже жду весны.
Зима и снег
Наскучили мне тоже.

Тепло и свет
В мои приходят сны,
Со мной
Ночное
Разделяя ложе.

Как обольстительны они
В своей игре
С моей тоской по ним,
С моей надеждой,
Что вдруг весна
Нагрянет в январе,
На этот раз
Решив явиться прежде,

Чем в прошлый раз
И чем во все разы.
Мое долготерпение уважив,
Пришла весна
Ко мне
Среди зимы,
И я весенними
Страстями зажил,

Во мне живительный
Проснулся сок,
Он стал бродить во мне,
Как милый предок.
Меня согрел
Его пьянящий ток
От корневищ
До окончания веток.

И я в благодарение
В ночи
Проклюнул почки,
Разразился цветом,
Тем буйным цветом
Дикой алычи,
Сравнить с которым
Нечего на свете.

Я буйно цвел,
Но зимняя весна
Так быстротечна
И бесперспективна.
Зима вернулась
Вскорости – грозна –
Снегами затяжными
После ливня.

И с первыми морозами
Мой цвет
Стал облетать –
Обильно, как слезами,

Чешуйками обманутых надежд
Искрился,
Припорошенный снегами.

Мне горько знать заведомо:
Придет
Когда весна
В обыденные сроки,
Кроме меня.
Все к сроку зацветет,
Давая мне
Разумные упреки.

И к осени
Под тяжестью плодов
Они меня
В покое не оставят –
Мою бесплодность
Обвинят без слов,
Мою поспешность
Мне в вину поставят.

Но я ведь цвел
Пусть день,
Но в январе,
А в январе
Нельзя цвести
С расчетом,
Что к осени
Ты бросишь детворе
Плоды
И будешь
Окружен почетом.

В те дни за всех
Я одиноко цвел,
И в этом
Безрассудном превосходстве
Среди зимы
Согрел ведь мой костер
Вас,
Погибавших
В холоде,
В сиротстве.

* * *

Я подхожу к оконному стеку
И, ткнувшись лбом, смотрю на мостовую,
Что тянется сквозь караулы клумб,
Зовет и мчится в сторону родную

Из города,
В котором я не свой,
Где чувствую
Огромных комнат тесность.
Прятелей никчемная любезность
Мне говорит,
Что я для них – чужой.

ДЖИГЕТЫ¹

Фазилю Искандеру

Джигеты, мы, мы славили Кавказ
Своею доблестью, своей отвагой.
Не зря зовут джигитами у вас
Мужчин, готовых броситься в атаку.

Спасибо и на том, что мир хранит
Хоть это слово среди прочих тысяч.
Пусть это слово тверже, чем гранит, -
Он камень, из которого не высечь

Уже искры и не разжечь костра,
Что выполнит великую повинность
Быть очагом, чтоб с ночи до утра,
С утра до ночи в нем горенье длилось.

Джигеты мы! Мы вскормлены землей,
Мы пили родники Шахе и Сочи.
И в час беды мы все рванулись в бой,
Отчизны имя подвигом упрочив.

Нам ненавистен плен, и мы легли
Костями в землю, мы презрели рабство.
Мы и во сне позволить не могли
Себе своих сердец пленопродавство.

Была неисчислимой вражья рать,
А с их числом росло твое значенье,
Джигетия – Очаг, Отчизна, Мать...
И нашей песней стала Песнь Раненья.

---

¹ джигеты (они же – садзы) – приморские абхазы Гагра-Сочинского региона. Проиграв войну с Россией, были депортированы в пределы Османской империи во второй половине XIX столетия.

Не посрамили мы тебя, Кавказ!
Твоей печали это не утешит,
Но думал враг когда, что сотня нас –
Нас было трое
Раненых и певших.

* * *

Ты сегодня мне нравишься, сердце.
Как ты дерзко себя повело!
Ты меня мне напомнило в детстве,
В самой юности.
Помню число.

День пятнадцатый теплого марта
И мимозовых роц желтизна,
И любви безоглядность азарта,
И удушья ее новизна.

Ты сегодня мне нравишься.
Жарко,
Горячо говоришь ты о том,
Что ты любишь, чего тебе жалко
В недалеком и дальнем былом.

Ты мне нравишься, сердце; сегодня
С той любовью, которой я свят,
Ты свела меня, милая сводня.
И опять от волос и до пят

Я наполнен знакомой тревогой
И знакомым пареньем души.
И душа неразумна высоко
Совершает свои виражи...

Ты сегодня во мне не вмещалось,
Ты во мне учинило погром –
Как запальчиво ты препиралось,
С возмужавшим и грозным умом!

ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Рассвет, благодатью пролейся
И тихо, не сгоряча,
В арпеджио строгое леса
Вливайся стокатто ручья.

Под сводами зелени этой,
Как купол поднятой ввысь,
Все свято, как трепет поэта,
Как сердце его и как мысль.

Даватей крещендо немного.
Довольно. Вот и она
Вошла в этот храм и с порога
Беззвучные шепчет слова.

Достаточно музыки этой,
Чтоб всем существом ощутить
Тебя и природы заветно
Взаимороднящую нить.

И в гимне, тебе посвященному,
Самозабвенно скорбя,
Стою замороженный
В том хоре, что славит тебя.

И праздник, что сам сотворил я,
Ликуя, наращивал гимн.
И ахнул: Аве Мария!

И тонкий искрящийся нимб
Завис над твоей головою.

* * *

Два неба опрокинуты друг в друга:
Огни земли и звездные огни
Разбросаны, как семена вокруг плуга,
Вкруг золотого лемеха луны.

Под нами город, а над нами – небо,
А между нами - чувства и слова.
Услужливо, а может, и нелепо
В ногах твоих волнуется трава.

Нам незнакомо никакое бремя.
В свой звездный и протяжно лунный час
Мы независимы, и это знает Время
И циферблатом не пугает нас.

Казалось мне, что у судьбы я отнял
Ту ночь любви решимостью своей –
Она сама была нам доброй сводней
А мы тобой – игрой ее затей.

Почувствовав, что совершили кражу,
Твой дом сиротским огоньком горел...
Кому в вину вменить свою пропажу
Не ведал он и больше сиротел.

Сквозь отгоревшие мимозы чащи
С тобою на руках и при заре,
Как по ступеням Вавилонской башни,
Я поднимался к дому на горе.

И день спешил узнать (и эта мука
Была утолена как никогда!),
Что я принес на жертвенник Мардука.
Взглянул, вздохнул и тихо молвил: да!

ПРЕДТЕЧА

Я долго шел по пустыне большой
И тверже стал, чем броня,
Но тот, что следом придет за мной,
Гораздо сильнее меня.

Вам я принес из скитаний и бед
Черного хлеба край.
А тот, что придет за мной вослед,
Вам принесет урожай.

К вашим босым склониться ногам
Мне – как лучший почет.
А тот, что скоро явится к вам,
За вас на муки пойдет.

Вот, я принес огарок свечи,
Который во мгле сберег.
А он принесет утра лучи
И бросит у ваших ног.

* * *

Твоим равнодушьем холодным
И милостью жаркой
Покой на земле
Всегда неуживчивым был.
И мука земная
К Лауре
Снедала Петрарку,
И лик Беатриче
Печального Данта казнил.

К тебе свою страсть
Распластал Леонардо да Винчи:
Из сердца – на холст,
На храмовы стены с холста.
Но ты даже это
Отметила так, из приличья,
Как будто стена
Была просто бела и чиста.

Бессонные ночи
Стихами томили поэтов,
Сонетов венки
Несли к алтарю твоему,
Стихами и гимнами,
Храмом и кистью воспета,
Ты все ж недоступной
Осталась иному уму.

Разгромлен Египет!
Как горе людское громадно!
И кажется ввек
Не подняться уже из руин.
Но как бы не так:
Въезжает она, Клеопатра,
И Рим рукоплещет,
Повержен к ногам ее – Рим.

Своей ворожкой
Ты растлила земную обитель.
Тебя ко всему
Тревожно ревнует поэт.
В тебя влюблены без ума
И отважный воитель,
И грустный ваятель,
Что строит тебе монумент.

ОДИНОЧЕСТВО

Человеку невесело,
Он один,
Словно перст:
Деду нету ровесника
Ни в селе,
Ни окрест.

Он один без товарища,
Без подруг, без жены.
Все покой свой
На кладбище
В свой черед обрели.

Тополя вдоль забора
Свой несут караул.
Скоро вечер, и скоро
Дед к стене прикорнул.

Дед глаза свои щурит
На очажный огонь,
И табак, что он курит,
Самый горький.
И конь,

О котором жалеет,
Тоже огненным был.
Ветер пепел развеет
Как ненужную пыль.

А ведь был он и в деде
Этот огненный пыл, -
Обернулась легендой
Утомленная быль.

Всех детей схоронил он,
И лишь старая дочь
Все живет через силу,
Чтобы старцу помочь.

В путь последний отправить,
Но и даже потом
На одно она вправе:
Дорожить очагом,

Чтобы внукам навстречу
Двери настежь открыть
И абхазскою речью
У огня говорить,

И абхазскою честью
Их вскормить у огня,
Чтобы знали о месте,
Где отчизна твоя.

Дед не просит отсрочки.
Жизнь уже сочтена...
Там два сына, две дочки
И старушка жена

Там, где вечность глухая
Счет годам не ведет:
Будто заводь лесная
Не кипит, не течет.

Тополя, словно свечи,
Вдоль забора стоят,
И созвездьями
Вечер
Пригвожден и распят.

* * *

Я вспоминаю всякий раз,
Я вспоминаю то и дело –
В судьбе деда рослый вяз,
Тугой увитый изабеллой.

Стоит он в стороне двора
Широкого на всякий случай:
На случай пира и добра,
На случай смерти неминучей.

Как кипарис гудит зимой
Возней наполнен воробьиной,
Вяз наполнялся детворой
Со всей зареченской общины.

Мы виноград клевали там,
Порозоветь едва успевший,
Старательней дроздов,
И нам
Он не казался не созревшим

И шкурки сплевывали вниз
Под шум разбойничий и крики...
О, этот юности каприз
Непостижимый и великий!

Прошли года за рядом ряд,
А дерево стоит как прежде
И предлагает виноград:
Берите, не стесняйтесь, ешьте!

Но где былой азарт руки!
Где бесноватые мальчишки,
Мои соратники, воришки,
Плодов незрелых едоки!..

Я бережно срываю гроздь
И отдаю жене созвездье
Душистых ягод,
Как поместье,
В ее вместившееся горсть.

ИЗ СТИХОВ АЛЕКСАНДРА ЧАЧБА

1. Ночь осени

Абхазия, удел трудов и снов,
Ты глаз моих печальное свечение,
Как много блудных у тебя сынов,
К тебе не находящих возвращенья!

Ночь осени моей меня страшит
Безбрежностью своей. Что мне осталось?
Твой черный бархат бисером расшит
Жемчужных звезд. Души моей усталость

И старость глаз, предсмертие мечты
У грозного могильного порога...
Густая россыпь Млечного Пути –
Моей души на родину дорога.

2. Ностальгия

Горец, абхаз я!
И званья
Большого я не ищу.
Родины милой названье
В горле своем не вмещу.

Отчего края напевы
Сердцем лишь можно постичь.
Я ль не прибуду на первый
Родиной брошенный клич!

Вслушаюсь в сумерки, мучась,
Но не зовут меня, нет.

Я разделил твою участь
Изгнанный Польши поэт.

Не предавался обманам:
Чудный, но чуждый предел
Мне, словно степь Аккермана
В ночь роковую – тебе.

II

Франции южной пейзажи
Схожи, Отчизна, с тобой
Горы и море.
И даже
Климат – как в Гагре родной.

И рестораны пригожи
Да и прохожие все.
Официант: был хорошим
Завтрак, не правда ли, мсье?

- Горький! Как скорбная тризна!
Не обижайтесь, гарсон,
Сны о далекой отчизне...
Невыносимо... гарсон...

Дайте бокал изабеллы –
Сердцу напомнит пусть,
Чья она в самом деле
Глаз моих тяжкая грусть.

3. Прощальное письмо отечеству

Я боль твою в душе своей несу,
Твой свет – смотри – храню под каждой бровью.

Лишь имя я твое произнесу,
И сердце наполняется любовью.

Умру я скоро. Скоро. Но пока
Обида старая меня когтит и точит:
Обидно мне, что не твоя рука
Застывшие мои закроет очи.

Как стыдно мне, что буду погребен
На кладбище, горда которым Ницца.
Ведь и в гробу я буду тем смущен.
Что надо мною не склонятся лица

Родных людей. И все-таки я горд,
Ведь я твой сын, лишь им себя я мыслю.
Как счастлив я, что в мире есть народ,
В котором я. Как воин в войске, числюсь.

Абхазия! Души моей страна.
Мое последнее пред смертью слово.
Абхазия, как я схожу с ума!..
Для сердца нет отечества иного.

Я ни на миг тебя не предавал,
Хоть был я князь, а жил неприхотливо.
Я все, что мог, Абхазия, отдал
«Душе твоей
И жадной и пытливой».

И перед тем как в мир сойти иной,
Я заклинаю: Будь вовеки алчной,
Добру и свету вечной будь сестрой.

Твой Александр.
Сын Константина Чачба.

СОСНЫ ПИЦУНДЫ

1. *Древний напев*

Имя твое отпиваю, как
Воду ключа, бережливо.
И бережливо
За шагом шаг
Пляж отмеряю залива.

Нравнодушен я к вам отродясь,
Гордые сосны Пицунды,
И, прихожанин , вхожу я, молясь,
В вотчину Анапы-Гунды*.

Приостановлена все же беда –
Стройных стволов твоих грации,
Словно невольниц нагие стада,
Согнаны здесь в резервации.

В сень твоих роц,
Что мила, словно кров,
Поднял который родитель,
В жертву свою приношу я любовь,
Твой запоздалый ревнитель.

Так же,
Как сосны твои из земли
В небо – органом строим,
Древний напев
Из моей груди
Тщательно вытянут к хвое.

2. Неистребимость

Сосны,
Пицундские сосны
На полукруглом мысу
Словно забыли,
Что осень
Красит деревья в лесу.

Вечнозеленая хвоя,
Вечнозеленая высь,
Как далека от покоя
Ваша бессменная жизнь!

Рощи,
Сосновые рощи,
Вы перед нами правы:
Вам умереть было проще,
Только не вымерли вы.

С ветром и бурями споря,
Вам не давала упасть
В землю влюбленного корня
Вечнозеленая страсть.

3. Шторм

На вечернюю мысль, на мечту мою
Кто обрушил неистовый шум?
Я не слышу того, что я думаю,
И того, что пристрастно пишу.

Это море накатами грозными,
Рокотаньем насупленных волн

Все глумится над бедными соснами
И злорадствует, слыша их стон.

И, в отчаянье штормом поверженный,
В беззаконном тиранстве и зле
Я сильней понимаю приверженность
Этих сосен к этой земле.

АБХАЗСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

I

Я сижу на вершине
И трогаю звезды рукой.
Подо мною – Ходжал,
А под ним
Приютилось все прочее –
Не великое пусть
И не грозное столь,
Все равно –
Дорогое душе
Холмогорие
Милое, отчее.

Подо мною поток
По уступам скачет
Меж гор,
Без оглядки,
Стремглав,
Расшибаясь в дымные брызги.
Мне приятно внимать
Этот страстный
Воды разговор
И отчаянный бег
С малолетства знакомой
Гализги.

II

Я смотрю
Как горят

Подпаленные утром снега,
Как уходит туман,
В синеве растворяя завесу.
И улары поют
Гимны горным богам –
И Ажвейпшы* степенно
Дневать спускаются к лесу.

Вот
Косули выходят
На утренний выпас.
И тур,
Словно сфинкс,
Замирает,
Врастая торжественно в выступ.
Созывает фазан
Затаившихся кур,
И форель
Начинает брать
Вертикаль водопада
На приступ.

- Ррейт! – кричат пастухи,
Поднимая стада на подой.
Козы медлят.
Но вот,
Подчинившись пастушьим законам,
Оголтело бегут
И растерянной вовсе толпой.

Как в воронку,
Вбегают
В тугую окружность загона.

Колокольцы стихают,

Смолкает и бляенье коз,
И движенье в загоне
Уже замирает украдкой,
Чтобы с пылью осевшей
Этот рогатый хаос
Перед миром предстал,
Обретя очертанья порядка.

III

Отдыхают стада
Перед тем,
Как подняться к снегам.
Мамалыга снята –
Начинается завтрак пастуший.

Все здесь белое –
Сыр, мамалыга,
С водой пополам
Тот шипящий напиток,
Что жажду любую заглушит.

На высоком лугу
Мирно козы пасутся.
Не стар
И не молод –
Родился
До снега Великого даже –
По-хозяйски пастух
На хребет поднялся
Как Айтар*.
Он в дозоре стоит
С похожей на тирс
Алабашей**.

IV

Я сижу на вершине,
Как мальчик
На отчем плече...

НОЧНАЯ СКАЗКА

Когда ложатся люди спать
И звери спят во сне глубоком,
Текут ночные реки вспять,
Они тоскуют по истокам.

Мы выучили назубок:
«потоки льются и грохочут...»
Но как они проводят ночи –
О том умалчивал урок.

А между тем, прикрыты тьмой,
По руслу вверх беглянки мчатся,
По валунам они стремятся,
Как человек, к себе домой.

Ночные реки вспять текут,
Они взбираются на кручи,
Туда, где ходят только тучи,
Где ждет родительский приют.

Их ждут снега и ледники,
Здесь до утра переночуют.
Уют родительский врачует,
Рукой снимает боль с реки.

А утром в прежний путь опять
С полетом, с грохотом, с наскоком...
Текут ночные реки вспять.
Они тоскуют по истокам.

* * *

Где воинственный грохот
Твоих легионов бесстрашных?..
Берег робко ты лижешь,
Заигрывать с твердью не прочь.
От набегов твоих,
Удалых, но вчерашних,
До зари и следа
На песке не оставила ночь.

Ты в заливе лежишь,
Над тобою ни свиста, ни стопа,
Будто пленник смиренный,
Глядишь в голубой небосвод.
И бессильные волны
Падают ниц утомленно,
Как к ногам полководца –
Войной изможденный народ.

* * *

Пицунда, Ходжал или Рица,
А Гагра, а взморье Мысра!..
Такое во сне не приснится,
Откуда же ты, Апсынра?!

Хребты твои невыразимы,
Мерцает над ними звезда.
Абхазия, край мой родимый,
К добру ли твоя красота?!

Никем я не буду здесь понят.
Ты всем бы пришлась ко двору.
Но чую – да буду я проклят! –
Твоя красота не к добру.

Здесь буков стволы,
Как колонны,
Мерцают в полуночной мгле.
Ты жемчуг с небесной короны,
Не место тебе на земле.

Смотрю я на сизые горы,
На синий заоблачный лес.
Ведь рай это
Нерукотворный,
Откуда мы,
Грешные,
Здесь?!

* * *

Взвилась в зенит, к высотам,
Как жаворонок, мысль.
Душа моя, работай,
Душа моя, трудись!

Уже давно за полночь,
И сон меня берет –
Родная, твоя помощь
Меня ведет вперед.

И выйду на балкон я,
И возвращаюсь я –
Нам снова бы по коням
В поэзии края.

А ты мала, как гномик,
А ты шалишь уже,
Взбираешься на томик,
Стоящий в стеллаже.

Ты хмуришься, родная?
Серчаешь, не простишь?
Глянь, у меня какая
Чернильница, малыш!

Слезай на стол, довольно,
Обиду брось свою,
Мне тоже, может, больно,
Я тоже устаю.

Еще чуть-чуть осталось,
И я шепчу душе:
«Душа, какая жалость,
что нету сил уже...»

* * *

Пусть дует ветер за окном,
Пускай лютует непогода,
А в сердце влюбчивом моем
Совсем иное время года.

Я вспоминаю давний год,
Далекий день, далекий город,
Осенних, сумрачных погод
Пронзительный и скучный холод.

С тобою мы в кафе сидим,
Глаза слезятся, пьем вино мы.
Что молоды, что влюблены
И что бедны – мы не виновны.

Я признаюсь тебе в любви,
В глаза твои гляжу влюбленно,
И жизнь кипит в моей крови,
И в сердце – уголь раскаленный.

И не было в моей судьбе
Беспамятства такого прежде.
Я говорю слова тебе
Созвучные моей надежде.

Я их в душе таил давно...
Оглушена любви словами,
Ты пьешь горящими губами
Стыда и радости вино.

* * *

До лета отложив дела,
Мечты, надежды,
Я утомился ждать тепла.
Не помню прежде,

Чтоб так томил меня апрель
И май дождливый.
Повсюду вижу гниль и прель
И слышу ливни.

Но вот пришло оно, тепло,
И торопливо
Свои порядки навело:
Утихли ливни,

С моих зашторенных небес
Сняло завесу
И хоры птиц вернуло в лес,
Вернуло – лесу.

Холмы, как крупы лошадей,
Вдали лоснятся,
Стада идут под тень ветвей,
Жары боятся.

А лето далее спешит
Победоносно,
И пашня обещает быть –
Вновь плодоносной.

И вот уже издалека
Я вижу вскоре,
Как солнца жгучая тамга
Клеймит предгорье.

* * *

Орлы, парите высоко,
Летите, соколы высоко
Мое просторное окно
Без вас –
Пустующее око.

А жители сырых чащоб,
Неосененные крылами,
Вас хищными назвали,
Чтоб
Расправу учинить над вами.

Чтоб покорить вас,
А затем
В благотворительной истоме
Кормить вас с рук,
Как голубей
Пенсионеры в парках кормят.

Орлы, парите над землей,
Она давно вам не обитель,
Земля для вас хранит погибель,
Не расставайтесь с высотой.

Покуда вы
За часом час
Плывете над землей кругами.
Не дремлет враг,
Следя за вами
Двустволкой неусыпных глаз.

И пусть твердят наперебой,
Что это – мнительности сказка,
Орлы, вас мало,
И опасно
Вам расставаться с высотой.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Шумеры древние... они
Шумели непрестанно,
Что покорили все они
Народы, земли, страны.

Да, были грозными они,
Те самые шумеры,
Что войны жуткие вели
Давно до нашей эры.

Тараном
Стены крепостей
Крушили и взрывали,
Как табуны коней,
Людей
В неволю загоняли.

Жгли, распинали, не щадя
Ни молодость, ни старость,
Ни даже малое дитя,
Что сиротой осталось.

И эта дерзкая страна
Под именем Шумерия
Вдруг возомнила, что ее
Незыблема империя.

И чтобы силе дать своей
Наглядное пособие,
Она величию своему
Взялась создать подобие.

И вот, высокий, мощный
Ввысь
Поднялся дивный столп,
Чтоб все народы удивить
И в страх повергнуть чтоб.

И шли года, и столп стоял
Над миром вознесен.
И славой чванился своей
Спесивый Вавилон.

Стоял колосс и в мир глядел,
И озирался вдруг:
Его порой одолевал
Панический испуг.

Он был на глиняных ногах,
Хоть думал, в небо врос
Но рухнул наземь, прах подняв,
Придуманый колосс.

И оказался погребен
В былье, в дыму, в пыли –
В трухе величья своего
Недавний пуп земли.

* * *

Я вышел к морю.
В берег бьет волна.
Ни зги – лишь ночь,
Взволнованная воем.
Пространства чернота разделена
Обозначающим рубеж прибоем.

Стою на пирсе,
Вдавшемся во мрак,
Как в пасти
Всеобъемлющего гада.
Здесь жутко все обнажено,
Но так
Мне
Надо
Было самому.
Я здесь
Ведь вовсе не случайно,
Выйдя к морю
Средь ночи,
Этим я сказал:
Я есть,
И я с твоей
Безбрежностью – не спорю.

Все.
Я молчу.
Лежит передо мной
Всепоглощающая Безвестность.
Ни в чем не знает
Меры никакой,
Ей непонятны
Суэта и тесность.

И так на пирсе
Долго я стоял.
Меня посеребрил
Соленый иней.
Ушла ко дну раздумий
Мысль моя,
Лоснящейся сверкнув
Спиной дельфиньей.

* * *

Погожим дням листва не рада,
Она надумала тужить,
В себе приметы листопада
Не в силах скрыть.

Качнулся лист, повис на ножке,
Затрепетал и полетел,
Хоть никогда летать, быть может,
И не желал, и не хотел.

И паутинкой вдруг задержан,
Казалось, он спасен, чтоб жить,
Но ведь на ветку, был где прежде,
Его уже не возвратить.

И он летит один, без друга,
В своем несчастье одинок,
Все ниже, ниже
С каждым кругом –
Наискосок, наискосок.

Но что это?.. Он взвился снова,
Не зная, как это понять –
Вдоль милого, родного крова
Летит опять.

На ветке ранку он заметил,
Откуда вырвала судьба,
Где мир казался вечно светел –
Души и крови ворожба.

И все.
И – вниз.
Как день вчерашний,
Он канул, промелькнул, погиб.
Своей душой,
Насквозь озябшей,
К земле прилип.

* * *

Есть мир стихий,
Витающий в пространстве.
Есть вещей мир.
В него никто не вхож.
Он в одиноком,
Тайном постоянстве
Сугубо обособленный,
И все ж,

Туда,
Ничьи где не ступали ноги,
Пренебрегая всяческий запрет
Восходят в нимбе озаренья Боги
Иль Богу уподобленный поэт.

Свет начинается в тебе подспудно,
Цветет, как лотос,
К небу восходя,
И догадаться
В те минуты трудно,
Что мысль твоя
Значительней тебя.

РАССВЕТ В ПИЦУНДЕ

Такое пасхальное утро!
В нем что-то библейское есть.
О счастье вселенском как будто
Над миром возносится весть.

И это все то, что и нужно,
И тянутся люди к чему...
Рассвет.
Он такой,
Что послушно
Рука устремится к челу.

Медово-янтарный, он льется
В неба пунцовый подол.
Все ждут, что поднимется солнце,
Займет свой высокий престол.

Всплывает медлительно солнце
Мильонами вспыхнувших ламп,
И в высь устремленные сосны
Светилу поют дифирамб.

Его обрамляет лучами,
Свеченьем особенным – нимб
И не утружденный словами,
Но верой наполненный гимн.

РЕТРО

Поздно ночью в край родимый
Ехали джигиты.
В войлочных чехлах качались
За спинами – флинты.

Газырей ряды сверкали,
Как клыки кабаньи.
Из похода возвращались
С берегов Кубани.

Туапсе, Анапа, Адлер,
Гагра, берег Бзыби...
Едут горцы, топот конный
Мир полночный вздыбил.

Серебром луна лоснится
На вспотевших крупах.
Что-то пискнет, что-то ухнет
В сумрачных уступах.

Башлыков узлы тугие,
Шелковые кисти.
И у каждого джигита
Взгляд такой лучистый.

В их глазах – родное небо
И луна, и звезды,
И полуночных созвездий
Налитые грозди.

По-над пропастью,
Как будто
По лесной опушке,
Едут горцы,
Знать не зная,
Что такое пушки.

И костями полечь покамест
Не настало время...
Едут горцы удалые,
Едут стремя в стремя.

* * *

Я знаю, день настанет –
Его не смолкнет шум –
Душа моя восстанет,
Возненавидя ум.

С рассудком не считаясь –
Я чувствую уже –
Писать, не озираясь,
Захочется душе.

В покое мне отказано,
Меня страшит она –
Моей души и разума
Гражданская война.

* * *

Мне тридцать три.
Виновный иль невинный,
Я Данта стих,
Как тяжкий крест, несу:
«Земную жизнь пройдя до половины,
Я оказался в сумрачном лесу».

И сон меня тревожит непрестанный.
Мне этой ночью будет тридцать три –
В урочище земли Обетованной
Я вижу очертания горы.

ПОЗДНИЙ ПЕРЕЛЕТ

Леденит мою душу не лед,
Холодит мое сердце не ветром:
Я смотрю, как идет перелет
В угасающем вечере этом.

Надо мной, как тревожная весть,
Пролетает вечерняя стая.
В этом тайна великая есть
Или истина жизни простая.

Как бы низко ни шли облака –
И хотя уже сумерки тают –
Ясность цели ведет жоака,
За собою ведущего стаю...

Просвистели в осеннюю стынь,
Улетели. Но что там? Глядите!
Им вдогонку несется один,
Он немного отстал... Погодите!

Он немного отстал, ничего,
Не спешите, так будет нечестно,
Он вернется, займет свое место,
Не смыкайтесь, дождитесь его!

Но не терпит препятствий полет,
Отвлекаться ему – ни в какую.
Он иные порядки блюдет,
Исповедуют веру иную.

И отставший над морем летит.
Пусть разрыв и нешуточный даже,
В нем надежда покамест горит,
Он отчаянно крыльями машет.

... Точно так же в осеннюю стынь
Я когда-нибудь тоже отстану,
Так же буду стараться один
Возвратиться в летящую стаю.

Надо мной изогнется волна,
И подумать мне будет нетрудно,
Что завидую вам без ума,
Вам,
Кто встретит
Грядущее утро.

ЗВЕЗДА АБАЗИНА

Как много грусти,
Сердцу близкой,
Я слышу в речи
Абазинской.

Мне видится
Былой очаг,
Чей свет горит
У нас в очах.

И цепь висит
Над очагом,
Не утружденная
Котлом.

Да и при чем котел,
Когда
Объединяет
Не еда,

А цепь сама,
Как связь времен,
Как стук подков,
Как честь знамен.

...Мой брат близнецный
Абазин,
Мне брат по крови
Ты один,

Но для своих
Грядущих дел

Ты отделиться
Захотел

И в ночь ушел –
Суров и рьян –
Ушел,
Как лодка в океан.

И крикнул я
Из-за спины:
«Ступай,
Господь тебя храни!»

Ведь за окном
Такая ночь,
Что может
Только бог помочь.

...Как много грусти
Сердцу близкой
Я слышу в речи
Абазинской.

ЯСТРЕБ НА ПРОДАЖУ

Промысел любой преступен в сути,
Без издержек не бывает здесь.
Я зашел на рынок в Гудауте,
Словно в осень окунулся весь.

Чем-то сам на сокола похожий –
Профилем иль отблеском очей –
Мой земляк стоял среди прохожих
С ястребом, сидевшим на плече.

Узник непокорный, гордый пленник,
На продажу выставленный вдруг,
Неотступность духа, неизменность
Он являл собой, а не испуг.

Но и тот, кто продавал, был тоже
Всею душою в небо устремлен,
Чем-то сам на сокола похожий,
Чем-то сам с неволейпороднен.

Ястреб ловчий знаком службы мечен:
Ведь едва пошевелится он –
Под крылом прилаженный бубенчик
Начинал трусливый перезвон.

Знойным оком желтого накала
Он смотрел с презреньем на людей,
Несмущенный будто бы ни мало
Участью невольничьей своей...

Как с тех пор поеду в Гудауту
Или просто вспомню о родне,

Бубенцы я слышу в ту минуту,
И тревожно делается мне.

Станет беспокойно поневоле:
Ведь судьба неласкова до них,
И все меньше соколов на воле,
И все больше ястребов ручных.

ПЕСНЯ О САТАНЕЙ ГУАШЕ

(из абхазского эпоса)

Ствол дубовый целиком
Ей служил веретенком.
Жернов мельничный прекрасно
Заменял царице прясло.

Сто овец стрижет она,
Сто мотков сучит она.
Сто клубков она спрядет,
Сто кусков из них соткет...

У царицы Сатаней
Ровно столько сыновей.

Выйдет на берег она.
На волну идет волна.
Ткань она в воде отмочит,
Выбьет на камнях, сполощет,

Выбелит ее в волнах,
Высушит на валунах.
Принесет опять домой,
Чтобы труд продолжить свой.

День уже к закату клонит,
Сатаней все кроит, кроит.
Шьет и шьет она по мерке.
День все больше меркнет, меркнет.

Шьет Гуаша без лучины:
Ведь горят еще вершины,
И пока горит их свет,
В свечке надобности нет.

Вот и день погас, но прежде –
Все сыны ее в одежде,
Все красивы и сильны
Тут же сядут за столы.

ВОТ КАКАЯ У ТВОЕЙ
МАТЕРИ НЕВЕСТКА

(из фольклора)

Не помеха ей жара,
Дождь ее не мочит.
Выйдет по воду с утра,
А придет – середь ночи.

Ножкам пухленьким ее
На дороге тесно.
Вот какая у твоей
Матери невестка!

Все сметает на пути:
Стол, кувшин, посуду.
Как не подивиться тут
Эдакому чуду.

А саму ее никак
И не сдвинуть с места.
Вот какая у твоей
Матери невестка!

Кулаками трет глаза,
Скоро полдень будет.
Долго утром спит она,
Кто ее разбудит!

От безделия она
Не находит места.
Вот какая у твоей
Матери невестка!

Открывает дверь бедром,
А пинком – ворота.
И что в доме нет воды
Не ее забота.

В переулке месит грязь,
Будто месит тесто.
Вот какая у твоей
Матери невестка!

Бродит целый день в тени,
В роще у оврага.
Пусть село огнем горит,
Не прибавит шага.

Мне терпения давно
Не хватило б, честно.
Но она ведь не моей
Матери невестка...

Впрочем, шутки это все
И неправда это.
И не про твою жену
В этой песне пето.

От нее никто и глаз
Отвести не может.
А косой ее тугой –
Скакунов треножить.

До чего она скромна,
До чего прелестна –
Вот какая у твоей
Матери невестка!

НА АКВИНСКОМ БУЛЬВАРЕ

Валерию Хашба

Кофейный дух
Стоит под небосклоном.
А кофе – крепкий,
Аж во рту горчит.
Мой город,
Подражая Вавилону,
С утра
На ста наречьях говорит.

О письменности древней
С кахетинцем
Ведет свой спор извечный
Армянин,

И он румянит
Смуглые их лица
Верней,
Чем этих чашек
Кофеин.

Здесь лаза речь
И говор прибалтийца,
Прищур татарский
В солнечную рань,
Взгляд Персии
И профиль флорентийца,
Еврея шепот
И цыгана брань.

Здесь речь славян
Смешалась с речью греков.
Туристов группы
В стороне идут –
Там англичане, немцы –
Люди века -
По-своему
О чем-то речь ведут.

И вот,
Все мыслимые
Звуков краски
В себя вобрав,
В свой величавый дух –
Все перекрыв,
Звучит язык абхазский,
Родной природы
Ублажая слух.

Звучал он
Так достойно
В той природе
И был надежней
Множества порук...
Так должен
Чувствовать себя
В аккорде
Тональности
Главенствующий звук.

РАБОТА

I

Она лежит, как пашня,
И ждет – наступит время,
Когда твои ладони
В нее уронят семя.

Она лежит,
Как поле,
Засеянное хлебом,
И ждет дождя,
Чтоб тьмою
Ростков
Рвануться к небу.

II

Белы твои застенки,
Светла твоя темница,
Как жаждущая слова
Раскрытая страница.

Белы твои застенки,
Твои блаженны муки –
Я для распятия сам
Выпрастываю руки.

III

Я пленник добровольный
Всех чар твоих и пыток,
Во мне

Любви к тебе
Безудержный избыток.

И ворожбы твоей
Азартный соучастник –
Я раб твоих затей,
Мне заменивших счастье.

Но в час, когда дружны
Во мне и страсть и слово –
Не раб уже, а царь.
И мне к лицу обновя.

Одежда эта мне
Не натирает плечи...
И тут уже никто
Не смейте мне перечить

* * *

Я не смотрю
На горы
И на сосны,
На ледников
Могучие откосы.

Я к небу
Головы не поднимаю,
И звезд ночных
Над Рицей
Не считаю.

Мне есть на что
Смотреть во все зеницы:
Смотрю я в гладь,
Смотрю я
В воду Рицы.

И видится мне
Так великолепно
И звездное
И солнечное небо.

И облака,
И звезды...
Даже лица
Моих друзей
Мне отражает Рица.

В ней отразились
И лесов просторы...

Во весь их рост
Я вижу в Рице –
Горы.

* * *

Теперь иная дрожь
В моей душе.
Та дрожь сейчас
Передалась запястью
И пальцам,
Что бегут,
Бегут уже,
Как люди в час
Нежданного ненастья.

Но в суете фаланг моих
Иной,
Счастливым смысл –
Причем тут непогода! –
Мне пишется сегодня,
Мне такой
Счастливым жребий
Вдруг дала природа.

И я пишу,
Не отрывая глаз,
Дыханья и письма
Не прерывая;
Словам,
Что источаю я сейчас,
Свою судьбу
И чувства поручая.

МАХАДЖИРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

о

Твой отец в бою неравно
Был зарублен ятаганом.
Дед до этого штыком
Был убит в бою другом.

Спи, мой мальчик,
Спи-усни,
Щищи-нани,
О, нани.

Нас сейчас везут во мгле
В Турцию на корабле.
Приплывем в Стамбул, за море,
Там нас ждет другое горе.

Спи, мой мальчик,
Спи-усни,
Щищи-нани, о нани.

А над родиной далекой
Багровеет снега кромка.
Только это не заря,
Наши пацхи там горят.

Спи, мой мальчик,
Спи-усни,
Щищи-нани, о нани.

Сын мой, ты меня не слышишь,
Что ж ты, мальчик мой, не дышишь
И с тех пор, как мы в пути,
Не притронешься к груди?

Спи, мой мальчик,
Спи-усни,
Щищи-нани, о нани.

Если турок вдруг поймет,
Что холодный ты, как лед,
Что пою тебе от горя, -
Он тебя утопит в море.

Спи, мой мальчик,
Спи-усни,
Щищи-нани, о нани.

Мы пустились в черный путь
Слезы мне сжигают грудь.
Среди ночи ли, - к утру –
На руках с тобой умру.

Спи, мой мальчик,
Спи-усни,
Щищи-нани,
О нани.

* * *

Хотеть мы того
Не хотели,
И думать о том
Не могли,
Но маки твои
Облетели,
Но розы твои
Отцвели.

Истошным воплем павлина
Ты крикнула,
Вдруг спохватясь.
Роскошная в мае куртина
Нищенкой стала сейчас.

Какие ромашки, Боже,
На поле
Творили зыбь!
И думала ты,
Похоже,
Что это вечно,
Как Бзыбь.

Гадая
«любит – не любит»,
Ты юности
Видела сон,
Где тот,
Что влюблен –
Не разлюбит,
И влюбится,
Кто не влюблен.

И знал ли я сам,
Родная,
Что станут
Причиною слез
Те маки,
Что в мае сорвал я,
Те розы,
Что летом принес?

РОМАНС

Твои руки отвыкли ласкать,
Твои губы смиренными стали,
Табуны наших чувств ускакали...
Твои руки отвыкли ласкать.

Прежде я и не думал о том,
Что возможно такое когда-то,
Что трепещет услады лампада,
Чтоб навеки угаснуть потом.

Твои руки отвыкли ласкать,
По привычке ты тянешь ладони,
Но любви оголтелые кони
Далеко ускакали, видать...

Твои руки устали ласкать.

* * *

Весны безоблачный рассвет,
И цвет повсюду алычовый,
И как подковы вещий след,
Мерцал высоко месяц новый.

Кругом пьянящий вещий дым,
Деревьев легкое убранство,
И сумасшествием своим
Дрозды заполнили пространство.

И в этот мартовский рассвет,
Лозу выкапывая с дедом,
Я слушал, как свои советом,
Как таинством, делился дед.

К себе я в город вез лозу,
И дед рассказывал подробно,
Как осторожно, на весу
Нести ее. И где удобно

Ее до высадки хранить,
И много всякого другого,
Чего я не успел забыть,
Что мне запомнилось надолго.

Но главный был среди них совет,
Он так и врезался мне в память –
Совет, похожий на завет,
Что никогда бледней не станет.

...На сада буйную красу
Смотрю, не в силах насладиться.
Чем больше режешь ты лозу,
Тем яростней она плодится.

ЭКРАН ПАМЯТИ

Память, детство напхни,
Солью раны посыпь,
Пусть помчатся, как кони,
Наши годы на Бзыбь.

Память, я добровольно
В том костре догорю.
Как бы ни было больно,
Я твой фильм досмотрю.

Юность – истовы годы,
Неуемный родник –
Твой драчливый и гордый
Я смотрю боевик.

Годы вспомнятся, даты...
Все припомнится пусть.
Что ни год –
С листопадом
Прибавляется грусть.

Примешалось унынье
Даже к вешней поре.
Это ревность, что ныне
Тянет нас к детворе.

В угасающем лете
Много зреет обид.
Мы – уставшие дети,
Запряженные в быт.

Сторониться ли мысли,
Что разумно несем
Мы супружеской жизни
Благородный ярем?

Повидаем мы горя,
Много стерпим обид
В этом мире, в котором
Каждый до пьяна сыт.

* * *

Душой мы стали так убоги,
Хоть знать об этом не хотим.
Одним мы кланяемся в ноги,
А сердце тянется – к другим.

Но выражением лица
Не выдаем, что слышим четко
И безупречный слог льстеца,
И сбивчивую речь пророка.

АМАЗОНКИ

Девушки бескосые,
Девушки кудлатые,
Всадницы раскосые,
Скакуны крылатые.

Скакуны – не седланы,
Девки – не целованы.
Светятся,
Как звездами
До ступней окованы.

Стрелы ваши звонки,
Сестры-амазонки.

По Днепру, по Бзыби ли,
Среди гор, в степях
Вы несетесь с гиканьем
С копьями в руках.

Лес дубовый стелется,
Как трава в степи.
Разве кто осмелится
Стать вам на пути?!

Стрелы ваши звонки,
Сестры-амазонки.

Волны непокорные
Застят горизонт.
То не море Черное,
Не Эвксинский Понт.

Мчится ваша конница,
Рвет степной ковыль.
Сестры, ваша вольница
Сказка или быль?!

Стрелы ваши звонки,
Сестры-амазонки.

Страстные наездницы,
Яростные лучницы
Под большой Медведицей
Спите, будто блудницы.

Сами ж – не целованы,
Нет таких, не числятся!
В латы все закованы –
Мужененавистницы!

Стрелы ваши звонки,
Сестры-амазонки.

Вы во всем ли правы,
Не познав усладу?!
Нет на вас управы,
Нету с вами сладу.

Слава ваша вечная
Вся из синевы.
По Пути по Млечному
Ускакали вы.

Стрелы ваши звонки,
Сестры-амазонки.

* * *

Когда звезда в ночи отточится,
Тебя всего насквозь проймет
Души святое одиночество
И откровение ее.

Как будто фосфора свеченьем
Ущелья высветлена пасть...
Неизъяснимое томленье,
Ума ликующего страсть!

* * *

Апсны –
Любви моей названье,
Ее стремительный полет.
А мне
Ни слова для признанья,
Ни воздуха –
Недостает.

Мир на тебя
Глядит ревниво,
Абхазия.
А ты всегда
Неосмотрительно красива
И нерасчетливо горда.

* * *

Как меняет донельзя
Время нас без конца.
В слове – больше железа,
В мыслях – больше свинца.

Нас несчастье швыряло,
Будто парусник в шторм.
Время нас проверяло
На изгиб, на излом.

На разрыв и на твердость
Нас пытало оно.
Сохранили мы гордость,
Сберегли – все равно.

Но несем сквозь лишенья
К свету нового дня
В чувствах – меньше горенья
И во взгляде – огня.

* * *

Были чувства жарки
Да настала стынь
Отцвели фиалки –
Поднялась полынь.

Хоть возьми и с маха
Память отсеки...
Как дрожат от страха
Наши васильки

Я с тобой потерян
Это ли беда.
Там, где были маки,
Нынче – лебеда.

* * *

Слилась ты на миг с тишиною,
И вдруг среди полуночной мглы
- Любимый мой будешь со мной? –
Снова тишину рассекли.

И сколько в них было тревоги
И невыносимой тоски,
Как будто по врозь дороги
До гробовой доски.

- Любимый, ты будешь со мною? –
Как будто на дыбе душа.
С дрожащей в ресницах слезою,
Марина, ты так хороша.

Но что же я молчу, не отвечу,
Вопросом твоим оглушен,
Я пост принимаю на плечи,
От мыслей земных отрешен.

Умолкли любовные речи.
Вдали отгремела гроза.
Как две поминальные свечки
Печальны Марины глаза.

* * *

Мы стояли на перроне,
Быстро шли часы вокзала.
- Пассажиры все в вагоне, -
Почему-то вдруг сказала.

Лишь слегка была уныла.
Нет, задумчива немного.
-Хорошо с тобою было, -
Обронила ненароком.

И как-будто не расстроюсь,
Но держа меня за руку,
Озиралась ты на поезд,
Как на чучело разлуки.

За тобой закрылись двери,
Поплыли на юг вагоны...
И предчувствие потери,
И бессмысленность погони.

17.08.89

* * *

Не умею – не любя.
Мне – любви святая пытка.
Обожания тебя,
Я не вынесу избытка.

Ты метала мне: уймись!
Хоть и думала иначе.
- Ты с ума сошел, Денис,
Повторяла ты в горячке.

Жить прекрасно без ума,
Но захлестывают чувства...
Ты в беспамятстве сама
Шепчешь: вкусно, милый, вкусно!

Дождь за окнами прошел
День погас. Луна поднялась.
- Мне с тобою хорошо! –
Говорить не унималась.

И кружилась голова,
И рассвет спускался с веток,
Как псалмы – твои слова,
Как молитва напоследок...

Я читал твоей любви
Мне открывшиеся знаки.
Запевали соловьи
В пробуждающемся мраке.

* * *

Когда из Дала^{*} наших выбивали –
Гремели пушки,
Ухали повсюду –
Детей когда ущельем угоняли,
А девушек вели на торг постыдный
И заживо старушек хоронили...
Сыны Дарыквы^{**} княжество делили.

---

* высокогорная область в Абхазии, доставлявшая немало хлопот русскому военному начальству во время Кавказской войны своим сопротивлением.

** владетель области Дал, сыновья которого Шабати

АБХАЗСКОЕ ВЕЧЕ

* * *

Который век? Какая эра?
Стоит на площади народ.
Старик, похожий на Гомера,
Из круга выдался вперед.

Он говорит такие речи –
Из уст как ястребы – слова,
И так ему внимает вече,
Что слышно, как растет трава.

Под сенью липы непомерной,
На алабацки* опершись,
Стоят товарищи Гомера
И мыслью проникают в жизнь.

Божественно само искусство,
Его века не сочтены:
Лобастый череп Златоуста
Как светоч светится в тени.

---

* Посох

* * *

И непомерное для уст
Его несуетное имя.

УЖЕ КРАСНЕЕТ ВИНОГРАД

Льву Озерову

Уже краснеет виноград
Уже лозы прогнулись плети.
Мы веселимся невпопад,
Скорбя об уходящем лете.

Уже краснеет виноград...
Как он попахивает грустно,
Свисая женственно и грузно
С решеток вычурных веранд.

На невысоком этаже –
Еще не винное брожение,
Но в той невинности уже -
Намек на головокружение.

Еще мы песен не поем,
И в круг не вырвалась плясунья,
Но жар грядущего безумья
Искрится в ягодках ее.

Озарена со всех сторон –
Какая все-таки красotka! –
Лоза тоскующей молодой
Облокотилась на балкон.

Лоза глазами озорства
Пугает мирное семейство,
Так узы древние родства
Смуцает дух прелюбодейства.

Она довольна, что в конфуз
Повергла нас, что я не в силах
Смотреть, как дышит на перилах
Прелестной женственности груз.

Аоу*

Сужаются абхазские дворы.
Все меньше в них телят и детворы.
Все больше их – покинутых, забытых,
С дверями, накрест досками забитых.

На тех крестах распяты наши души.
Шумит вода. Как мало стало суши!

Чем бредит одичавшая усадьба?
Ей хоровод приснился или свадьба?
Ни ног людских не помнит, ни копыт –
Чертополохом двор ее покрыт.

Сужаются абхазские дворы.
Все меньше в них галдящей детворы.
А те, что вовсе брошены судьбой,
Как-будто бы покончили с собой,
Истерзаны, лежат на косогоре,
Как нами неосознанное горе.

Здесь был очаг. А нынче – пепелище.
Во мрак сова устала глазища.

Здесь дом стоял, как в поле богатырь.
Теперь - сиротством сломленный пустырь.

В смиреньи поминальном кипарис
Стоит как запустенья обелиск...

Теснимые к подножию горы,
Сужаются абхазские дворы.
Как унизительно бессилье...

---

* Аоу – панихидная песнь.

ТКВАРЧАЛ

Твое названье, как желанный зов,
Который мне вовеки не наскучит.
На Лашкиндар, светящийся сквозь тучи,
Я возвращусь, как под отцовский кров.

Я встрепенусь, услышав про Квазан.
Утесов этих сердце не забудет..
Как мусульманин славит Рамазан,
Как православный день Пасхальный
Любит.

...Давно в клочки изодраны штаны.
Ползком за ежевикой, как шпионы.
Какие здесь водились пацаны!
Какие сокрушали бастионы!

Сто лет пройдет.
В один из летних дней –
Еще роса не высохнет от солнца –
Моя душа, словно бумажный змей,
Над крышами твоими пронесется.

* * *

Хоть и солнечным выдался день,
Как рассказ из Святого Писанья,
Своего ты не вспомнишь названья,
Как названий своих деревень.

Неизменны сквозь дни и года
Этот пепельный цвет поминанья.
Неужели в ином одеяньи
Не увижу тебя никогда!

Говорили: страданье не вечно.
Говорили: не помни, забудь!..
Панихида твоя бесконечна
И слезами иссушена грудь.

Ты с тех пор не ночуешь под крышей,
Ты все дни и все ночи стоишь
На морском берегу. Что ты ищешь?
Что ты вдаль безутешно глядишь?

ТАНЕЦ САРИИ

По дружеской прихоти Кобы
Танцует Сария. И вдруг
Иосиф к жене Лакобы
Нину Берия – в круг!

А Нина плясать не горазда
И все-таки пляшет она...
Твое превосходство опасно,
Опомнись, Лакоба жена!

Затеян немислимый танец,
Как в шизофреническом сне:
Паркета потужливый глянец
И блеск рокового пенсне.

Лаврентий пощады не знает,
В подвальных своих попури
Он насмерть тебя истерзает,
Сария, опомнись, Сари!..

Танцует супруга Лакобы
И локон слетает с плеча,
Чтоб дьявольский замысел Кобы
Дозрел в голове палача.

Лицом и душою прекрасна,
Ты вся из лучей и зари.
Твое превосходство опасно,
Сария, опомнись, Сари!..

СМЕРТЬ САРИИ

*Мы же супруг их цветущих
И всех их детей малолетних
В плен увлечем за собой,
Как возьмем крепкостенную Трою.
(Гомер. «Илиада»)*

Душа в нем осталась едва ли:

Внесли, как жердинку, легко.

- Вот брат твой, любуйся! – сказали

И кинули наземь его.

- Мой брат! – подбежала. – Мой милый!

Да как же посмели они!

Взмолилась: - О Боже, нет силы

Сносить эти черные дни!

Разжал он зеленые губы

Глазами большими - в упор.

- «Сестра! – прошептал, как безумный, -

Скажи, что предатель Нестор!»

Сестра, отрекись, чтобы вместе

Могли нас домой отпустить.

Нестор все равно не воскреснет,

А нам еще жить бы и жить!

Ты брата хотя бы послушай,

Тебе – отрекись – говорят!..»

- Ты брат подлецам малодушным,

А мне ты отныне не брат!

Ее истязали бесстыдно,
Казалось – с рожденья нема.
Ей под ноги бросили сына.
- Мой мальчик! – вскричала она.

Он силится встать, да не может,
И снова старается все ж,
От мук и от пыток все больше
С погибшем родителем схож.

- Что толку в губительной правде,
Ты лучше скажи наконец,
Хоть сына родимого ради,
Скажи, что предатель отец!

- Завидуй отцовской кончине.
Тебе о такой не мечтать.
Молчи! Ты не сын мне отныне,
И я тебе больше не мать!

Отец твой погиб по навету,
А твой несмываем позор.
Тебе и прощенья нету,
Тебе не родитель Нестор!..

И смерть ей была, что награда,
А тело – обуза уже.
И нет не темниц, ни ограда
Свободно парящей душе.